

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

Мною, д.и.н. Ириной Алексеевной Левинской, в ответ на запрос № 006509 от 01.08.2022 адвоката Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург» Леонида Леонидовича Крикуна проведено исследование «Экспертного заключения № 2705/0323 от 05.07 2022 года».

Обстоятельства дела известны из запроса адвоката Л. Л. Крикуна.

Права и обязанности специалиста, предусмотренные ст. 58 УПК РФ, и ответственность за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УПК РФ мне известны.

Специалист: И. А. Левинская.

Сведения о специалисте:

Ирина Алексеевна Левинская имеет высшее профессиональное образование по специальностям «Классическая филология» и «Русский язык и литература» и является доктором исторических наук, членом диссертационного совета Санкт-Петербургского института истории РАН; стаж работы 39 лет, автор более ста научных работ, проведено около восьмидесяти судебных социогуманитарных экспертиз.

Материалы, предоставленные с адвокатским запросом, для проведения исследования:

1. Копия протокола об административном правонарушении № 005672 от 29 июля 2022г.;
- 2 Обращение зам. прокурора города А. Г. Юрасова от 27.06.2022г.;
3. Копия экспертного заключения № 2705/0323 от 05.07.2022г.;
4. Копия акта осмотра Интернет-ресурса от 14.07.2022г.
5. Копия акта осмотра интернет-страниц от 22.06.2022г.

Перед исследователем поставлен вопрос:

Отвечает ли «Экспертное заключение № 2705/0323 от 05.07 2022 года» требованиям, предъявляемым к такого рода документам, обладает ли его автор соответствующей квалификацией и являются ли его выводы научно и методически обоснованными?

Представленное на исследование «Экспертное заключение» (в дальнейшем: заключение), выполненное доцентом кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидатом юридических наук В. А. Абакановой, не соответствует требованиям, предъявляемым законодателем к экспертным заключениям.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» заключение эксперта или комиссии экспертов должно включать: время и место производства судебной экспертизы, сведения об эксперте, которому поручено производство судебной экспертизы (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность); предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Подписи эксперта или комиссии экспертов удостоверяются печатью государственного судебно-экспертного учреждения.

Все эти требования закона не выполнены: в заключении не указаны время и место проведения экспертизы, отсутствуют сведения об эксперте и предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, его подпись не заверена печатью государственного судебно-экспертного учреждения.

В заключении не указано, какую собственно экспертизу проводила ее автор В. А. Абаканова. По-видимому, только торопливостью ректора, не дождавшегося официального заказа из прокуратуры с конкретизацией ее типа, объясняется это беспрецедентное в практике проведения экспертиз отсутствие указания конкретного вида экспертизы. Ведь зам. прокурора города А. Г. Юрасов обратился к ректору ФГБОУ ВО «РГПУ им. Герцена» С. В. Тарасову с просьбой только **рассмотреть возможность** проведения оценки целевой направленности предоставленной им текстовой информации, не указав, какого вида экспертизу предполагалось заказать в случае, если ректор даст согласие на выполнение этой работы в РГПУ им. Герцена. Однако упоминание в обращении о **целевой направленности текстов** подразумевает, что речь могла идти только о лингвистической экспертизе, поскольку, согласно Постановлению пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 г. (Москва 28 июня 2011 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 3 ноября 2016 г. № 41, 20 сентября 2018 г. № 32 и от 28 октября 2021 г. № 32)», для

определения целевой направленности информационных материалов назначается именно **лингвистическая** экспертиза.

Между тем автор заключения является юристом и не имеет филологического образования. Согласно ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», необходимость обращаться за помощью к экспертам вызвана тем, что они обладают специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, которыми юристы не обладают и поэтому нуждаются в профессиональной помощи специалистов по баллистике, дактилоскопии, лингвистике, психологии, истории и т. д. Обращение одного юриста к другому для составления экспертного заключения представляется абсурдным и противоречащим прямому указанию закона.

В качестве методов исследования В. А. Абаканова указывает формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, метод толкования правовых норм, т. е. методы, с помощью которых решаются правовые вопросы. Между тем, в уже упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда специально оговаривается, что эксперты не имеют права решать правовые вопросы, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда.

Посмотрим внимательнее на методы, которые В. А. Абаканова собиралась использовать в своем исследовании.

Формально-юридический метод представляет собой совокупность приемов исследования *юридических фактов* с их истолкованием по определенной схеме и является традиционным в юридической и только в юридической науке.

Сравнительно-правовой метод – это метод изучения правовых систем различных государств через сопоставление одноименных правовых норм, институтов и т. д. и практики их применения. Таким образом, исходя из заявленного метода, В. А. Абаканова должна была бы проанализировать правовые нормы разных стран по отношению к понятию «специальная военная операция» и «дискредитация вооруженных сил».

Метод правового моделирования предполагает мысленное создание моделей государственно-правовых явлений и манипуляция ими в предполагаемых условиях.

Метод толкования правовых норм представляет собой юридико-логическую интерпретацию текста источника нормы и некой конкретной ситуации.

Заявленные методы не имеют ни малейшего отношения к решению вопроса о смысловой направленности представленных текстов.

Именно поэтому перечисленные методы только заявлены, но в исследовании не применяются. Впрочем, и исследование как таковое отсутствует. Формально оно занимает две с половиной страницы и состоит из цитат из текстов Александра Владимировича Шишлова (полстраницы), оценочных суждений («**произвольная** трактовка автором значения георгиевской ленты», «**умышленное** противопоставление... **неподходяще и надуманно**»), что запрещено законодателем, который отмечает необходимость объективного проведения исследования (ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») и беспомощных псевдолингвистических рассуждений. Так, например, В. А. Абаканова пишет: «Понятие “спецоперация” употребляется автором со словосоединением “так называемая”, что явно свидетельствует о выражении иронии и пренебрежительного отношения к действиям Вооруженных Сил РФ по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности на территории Украины, а следовательно негативно оценивает действия Вооруженных Сил РФ».

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Важное значение имеют как порядок значений в словарной статье, так и выбранные автором словаря примеры словоупотребления. Устойчивое сочетание «так называемый», которое используется в качестве местоименного прилагательного, имеет следующие значения:

Так называемый — имеющий, носящий название: а) употребляется перед малоизвестным, несколько необычным и т. п. названием. *[Графиня Безухова] была на этом бале, затемняя своею тяжелою, так называемою русскою красотой утонченных польских дам.* Л. Толстой, *Война и мир*; б) употребляется для указания на то, что слово, выражение, термин и т. п. по своему значению не отвечает называемому им предмету, понятию, явлению и т. п. *Комнаты разделены так называемой глухой стеной, с вполне современной звукопроницаемостью.* Лаврентьев, *Последняя легенда.* (Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999).

Термин «специальная военная операция» появился 24 февраля 2022 г., его использование часто предваряется местоименным прилагательным «так называемая» в первом (основном) значении, указывающем на новаторский характер термина.

Толкование, предложенное автором заключения, является произвольным и не опирается на словарное значение выражения «так называемый».

В. А. Абаканова утверждает, что А. В. Шишлов в своем тексте «ставит вопрос, который не предполагает ответа в силу его очевидности, а представляет собой **утверждение**, высказанное в вопросительной форме: “Когда ее (георгиевскую ленту) складывают буквой Z – разве это не оскверняет народного символа и не дискредитирует его?” Таким образом, автор высказывает **суждение**...». Подобное рассуждение демонстрирует полное непонимание автором заключения разницы между утверждением, суждением (которые для нее являются синонимами) и мнением. Она считает, что риторические вопросы являются формой утверждения. Это заблуждение непрофессионала. Языковыми признаками выражения мнения являются показатели модальности (наверное, кажется и пр.), указание на источник сообщения (по-моему), а также тропы и риторические вопросы (Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов. Утверждение и мнение в судебной лингвистической экспертизе. <http://forum.fse.ms/topic/4650-utverzhdenie-i-mnenie-v-sudebnoi-lingvisticheski/>).

В. А. Абаканова не цитирует и не разбирает ни одного из текстов А. В. Шишлова полностью, вырывая из него отдельные цитаты, что в принципе делает невозможным оценить их смысловую направленность, хотя закон требует анализировать тексты в полном объеме. Поскольку методика в ее заключении отсутствует, а анализ подменен оценочными субъективными суждениями, то проверить обоснованность выводов не представляется возможным, что вступает в противоречие с требованием закона о том, что «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

В связи с этим в методической литературе для судей, следователей и экспертов отмечается: «Заключение эксперта должно быть обоснованным... Заключение ...оценивается как научно обоснованное, если оно в должном объеме содержит полное описание всех методов анализа текста и их обоснованности, полученные количественные и качественные результаты, пояснения умозаключений, суждений и логических выводов, которые были

сделаны...» (Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. / Под ред. проф. М.В.Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006, с.72).

В уже цитированном Постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации, подчеркивалось, что «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том..., направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды». Следуя логике Постановления, вопросы о направленности информации на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ является правовым и в своих ответах эксперт дает оценку, которую может дать только судебная власть.

Ответ на поставленный вопрос:

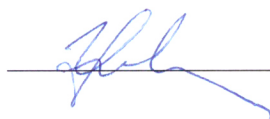
Отвечает ли «Экспертное заключение № 2705/0323 от 05.07 2022 года» требованиям, предъявляемым к такого рода документам, обладает ли его автор соответствующей квалификацией и являются ли его выводы научно и методически обоснованными?

«Экспертное заключение № 2705/0323 от 05.07 2022 года» не отвечает требованиям, предъявляемым к экспертизам: в заключении не указаны время и место проведения экспертизы, отсутствуют сведения об эксперте и предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, его подпись не заверена печатью государственного судебно-экспертного учреждения. В заключении не указано, какого рода экспертиза была проведена. Заключение об определении смысловой направленности текста всегда выполняются лингвистами, а автор, будучи юристом и не имея филологического образования, не обладает необходимой для проведения экспертизы квалификацией.

В заключении отсутствует процедура исследования, никакой методики не используется, немногочисленные попытки дать лингвистическое обоснование выводам автора заключения профессионально несостоятельны.

Настоящее Заключение специалиста составлено на 6 (шести) листах.

18 августа 2022 года

И. А. Левинская